

Д. КЛЕНОВСКИЙ

НАВСТРЕЧУ НЕБУ

«ИВЕРНИ»

Д. КЛЕНОВСКИЙ

НАВСТРЕЧУ НЕБУ

«ИВЕРНИ»

1952

ТОГО - ЖЕ АВТОРА:

«След жизни». Стихи. Изд. «Сполохи». 1950 год (распродано).
Книгу «Навстречу небу» можно приобрести или через газету
«Новое Русское Слово» или через Издательство «Посев».

Цена книги за границей 1 америк. доллар, в Германии 3 марки.

Заказы направлять по следующим адресам:

„Novoje Russkoye Slovo“,
243 West 56 str. New-York 19, N. Y., USA.

Verlag „Possev“,
Frankfurt/Main, Merianstraße 24 a, Deutschland

Моей жене

Их ровно пятьдесят от сердцевины —
Тугих колец на спиленном стволе.
Ровесник мой на медленной земле,
Вот и закончен он, наш путь единый!

Исчезнуть — мне. Тебе же — жить и жить,
Стать дверью, лодкой, скрипкой, колыбелью,
Бессмертному земному новоселью
Еще светло и чисто послужить:

Спеть, убаюкать, привезти, впустить...

О, если бы и мне вослед тебе
Продлить мой срок, мой срок скупой и тленный,
Мое участие в зреющей судьбе,
В движеньи, в пеньи, в зодчестве вселенной!

1950

Мой путь лежит через поля
Вот к тем холмам в вечерней дымке.
Стою и всматриваюсь я, —
Совсем как путник на картинке.

Как всё мне кажется сейчас
И чуждо там и непонятно...
Лишь смутно различает глаз
Какие-то штрихи и пятна.

А подойду — и станет вдруг
Всё и обычным и знакомым,
И те же липы в полукруг
Сойдутся перед тем же домом.

... Не так ли, смерть, в твои края
Бредешь в томительном незнании,
А тайна страшная твоя
Всего лишь только — расстояние!

Чем ближе, тем яснее ты,
И неизвестность вскоре минет!
Так нужно ли в твои черты
С тревогой всматриваться ныне?

И на дорогах бытия
И вопрошать и ждать ответа?
Не буду - ль просто завтра я
Там, где меня сегодня нету!

1950

Последних мук не утаить
Ни равнодушьем, ни усмешкой...
Еще хотелось - бы пожить,
Немного на земле замешкать!

Я знаю, как прекрасно там,
В мирах, невидимых отсюда,
И час придет — себя отдам
Испепеляющему чуду.

Но как - то боязно всегда
Сменить на пышные хоромы
Лачугу песен и труда,
Где плохо мне, но где я дома.

Где всё понятно, где окно
Откроешь — и увидишь крыши,
Где можно, если всё равно,
И не взглянуть ни разу выше.

О, черепица бытия!
Лукавый сторож нашей лени!
Ты видишь, сам кидаюсь я
Перед тобою на колени,

И сам привычное мое
Продлить молю я заточенье, —
Лишь только - бы не лезвие
Щемящего освобожденья!

1951

Здесь всё совсем не так, как надо:
Здесь песен не поют цветы,
Здесь небо синим водопадом
Не прогрохочет с высоты;

Здесь звезды не благоухают,
Недвижны скалы подо мной,
И ангелы, не отвечая,
Меня обходят стороной.

О, сколько мне еще в смиреньи,
К молчанью сердце приучив,
Терпеть уснувшие каменья
И нерасцветшие лучи!?

Пока Невидимого Града,
Ликуя, трубы воззовут,
И станет всё опять, как надо,
Как мы давно отвыкли тут!

1951

Я знаю: мир обезображен.
Но сквозь растленные черты
Себя еще порою кажет
Лик изначальной красоты.

Он просияет на мгновенье
И снова скроется во мгле,
Но после каждого виденья
Немного легче на земле.

И с каждым разом мысль упрямей,
Что мир совсем не обречен,
Что, словно фреска в древнем храме,
Лишь грубо замалеван он.

И некий Мастер в час свершений,
К нему заботливо склонясь,
Освободит от оскорблений
Его классическую вязь.

1951

Это только кажется отсюда —
Это небо, эта синева,
Облаков рассыпанная гряда,
Тенью их примятая трава...

А на самом деле всё иначе!
И когда отсюда ты уйдешь —
Ничего уже не будет значить
На земле приснившаяся ложь.

Это всё глаза твои нагали,
Это всё придумали они —
Все эти пространства, глуби, дали,
Все эти сиянья и огни.

И когда их у тебя не станет,
То очнешься ты, и слеп и нем,
На огромном кладбище названий,
Тех, что больше не нужны совсем.

1951

Опять, опять! Всё это прежде было
И повторяется в который раз!
Вот так - же море в жесткий берег било,
В провалах туч закат, срываясь, гас;

И ветер дул, и так - же было надо,
Изнемогая, выпустить из рук,
Не жизнь (что жизнь!), — тебя, моя отрада,
Из тьмы времен мне возвращенный друг!

И так всегда! И в новом повтореньи
Я, так - же, как и в прежних, не пойму,
Кому вот это страшное служенье,
И эта верность горькая — кому!?

Что знаю я!? Но спутник мой крылатый
Меня зовет и говорит: — взгляни!
И вижу след девической ступни
На золотистой отмели Евфрата.

1951

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

От чего сегодня оттолкнуться
Отлетающим моим стихам?
На какой мне шорох обернуться,
Над какой мне лужицей нагнуться,
Чтобы в ней увидеть звездный храм?

О, я знаю: лишь в прикосновеньи
К повседневности моей земной
Обрету нездешнее виденье,
Лишь в ее прозрачном отраженьи
Просияет мир передо мной.

Если - б не было ее, смиренной,
Предо мной поверженной во прах,
Я - бы заблудился непременно
В неизбывном грохоте вселенной,
В Скорпионах, Девах и Стрельцах.

С ней - же мне и дальний путь не дален!
В каждой капле, камешке, листе —
Шумный космос дремлет, изначален...
Оттолкнулся — и, глядишь, причален
К самой невозможной высоте!

1950

Нехорошо о слишком многом знать,
Неразделенной радостью томиться,
Над книгою прочитанною ждать,
Пока другой перевернет страницу.

Мне не с кем перекинуться мечтой
И некому довериться до срока. . .
О, жизнь моя, я словно правнук твой!
Как от тебя я убежал далеко!

А ты осталась где-то позади,
Со старческим следя недоумением,
Как я, ликуя, с песнею в груди,
Взбегаю по стремительным ступеням.

Но страшно мне. И боле не спеша —
Ищу, зову, но все мертвы и глухи.
И, присмирив, я замедляю шаг,
Опять, опять равняясь по старухе.

О, если - бы перелететь стремглав
Тысячелетий пыльные предместья,
И к воротам акрополя припав —
Быть наконец с ровесниками вместе!

1951

Каждый голубь на моем дворе —
Хоть сейчас над Иорданом пари!
Каждая лилия,
Просиявшая на заре, —
Хоть сейчас гори
В руке Марии!
Счастливые!
Их путь — завершен!
Не высшее - ли дано им блаженство!?
А я?
Сколько я еще обречен
Влачить мою скудость,
Мой мрак,
Мой стон, —
Мое человеческое несовершенство!?
Жизнь за жизнью, земля за землей...
Пока жребий мой
На звезде иной,
На эту такой непохожей,
Не воспарит и не просияет тоже!

1950

Непрочен матерьял моей земли,
Будь это мрамор, краска или слово.
Сколь многое из некогда живого
Забыли мы, разбили и сожгли.

И человечества прекрасный сон,
Что как рисунок Леонардо нежен,
Не Тайной - ли Вечерей пригвожден
В кавалерийском стынущем манеже!?

Пусть, на леса прилежно взгромоздясь,
Белеет реставратора фигурка, —
Она уходит, вянущая вязь,
Из гимна возвращаясь в штукатурку.

Но знаем мы, и в этом наш ответ
Над каждой открытою могилой:
Всё то, что было и чего уж нет,
Неистребимо, потому - что — было!

1951

Те сны, что мне в детстве снились,
Ну разве забыть их можно!?
Чуть только их вспомнишь — с ними
И нынче душе тревожно.

О, высь, где я плыл, купаясь,
Как птица, в лазурном зное!
О, стены, что расступались
Пшеницей передо мною!

Я знаю, и этим знаньем,
Как счастьем, душа богата:
То было воспоминанье
О том, что умел когда - то.

А если умел, то, значит,
Смогу это снова где - то.
И может - ли быть иначе,
Когда я так верю в это!?

1951

Вот и всё. До конца измерена
Эта жизнь, этот дворик мой.
Тело болью земной проверено,
Сердце — милостыней земной.

С чем вернусь я, с какой удачею
В мой высокий, в мой отчий дом?
Может стал немного богаче я —
Скорбью, жалостью и стыдом?

Может стал гораздо беднее я?
Не червонцы копил — гроши,
И слепого ума затеями
Замутил родники души?

Ах, не знаю! Душа, что девица
На смотринах стоит своих:
И мечтается, и не верится,
И рассудит ее — Жених.

1951

Темен путь среди земного мрака. . .
Как могу понять себя, познать я!?
Так сургуч не понимает знаков
В нем навек оттиснутых печатью.

Но разящее прикосновење
Ощутил он в трепете и дрожи
И хранит прекрасное раненье —
Оттиск духа на остывшей коже.

И пускай еще никак сегодня
Не прочесть мне своего названья, —
Знаю я: на мне печать Господня!
Мне довольно этого сознанья.

1950

Я вышел навстречу небу.
Становится всё свежей...
Я там, где ни разу не был, —
На крайней земной меже.

Осталось лишь оторваться
От этих последних скал.
Боишься? Зачем бояться!
Ведь ты это сам искал!

Мучительное усилие —
И стало легко опять.
Ты чувствуешь? Это — крылья!
Ты можешь уже летать!

1951

Высох ключ, струившийся в овраге.
Полдень жжет. Но вот, взгляни сюда:
В полом пне немного мутной влаги —
Дождевая, прелая вода.

Не расплескивай ее, играя
Хвостинкой! Может быть она,
Скудная и жалкая такая,
Всё - таки кому - нибудь нужна!

Может быть придут ее напиться
Завтра утром белка или ёж...
Или сам ты (может всё случиться!)
К ней с последней радостью прильнешь.

1950

В тот край дорога неисхожена
И вьется тропкою глухой,
И хохотом испугнет прохожего
Под вечер леший за ольхой.

Но неприметными приметами,
Кто ей доверился, ведом:
Слетает лист (хотя не лето - ли?),
Вздохнет без ветра лес кругом;

Да выйдет из кустов медведица,
Лизнет в ладонь — и снова прочь...
И если всё - таки не верится,
То, значит, нечем и помочь.

1950

Пирот с грибами стынет на столе.
Меня зовут. Бегу огромным садом.
Вот этот полдень, в Царском - ли Селе
Иль в Павловске, он здесь, со мною рядом.

Он был хорош не только тишиной,
Не только беззаботностью и ленью, —
Он был взыскательный учитель мой
И научил высокому уменью:

Уменью жить цезурою стиха,
Как эти вот дворцы, аллеи, шлюзы,
Как тот кувшин в бессмертных черепках,
Откуда пили ласточки и музы.

1951

Уже сентябрь позолотил листы
Над статуями в дремлющих аллеях.
Не торопись! Пока не умер ты —
Не облетят они и не истлеют.

И отражаться лебеди в прудах
Не перестанут, и дворец не рухнет,
И Пушкин будет жив, и на орлах
Екатерины солнце не потухнет!

Пока ты жив... А, может, и совсем
Её не будет, этой злой разлуки,
И красота дана навеки всем,
Кто хоть однажды протянул к ней руки!

1951

Мы с тобою ее запомнили,
Эту медленную весну:
Гиацинты на подоконнике,
Восковую их белизну.

А за ними, весь в колких лужицах,
Тихий дворик, московский, тот,
Что, — прикажет весна, — закружится,
Защечечет и зацветет.

С Новодевичьего, с соседнего,
Мерно пели колокола.
И любовь наша тоже медленной,
Вот как эта весна, была.

Всё прилаживалась, примеривалась,
Подмерзала то там, то здесь,
Чтобы, словно сперва не веря в нас,
После вдвое щедрей расцвести.

... Вспоминаешь, и в сердце — лужицы,
Гиацинты, колокола
И та девушка, в косах, в кружевце,
Что тобою тогда была.

1951

МОЛИТВА НА ВЕТРУ

Снова яркий полдень мая,
Снова лугом, до реки,
Догоняя, обгоняя,
Голубые мотыльки.

Вешний храм лучист и светел,
Словно смерти в мире нет.
Но гляди: уж с яблонь ветер
На траву сметает цвет.

Он в ветвях снует и плещет,
Торопя грядущий тлен,
В полотне тугом трепещет
У девических колен.

И она, — как песня рядом
Легконога и стройна, —
Тоже ветренным усладам,
Как на смерть, обречена.

И о ней мое моление,
На ветру, в полдневный час,
В храме вешнего горенья,
Истребляющего нас.

Пощади, небесный пламень!
Знойный ветер, не спеши!
Не кидай на хладный камень
Легкий цвет ее души!

1948

Мы жизнь прошли, как поле, рядом,
По узкой и прямой меже,
И вот белеет дом за садом
И ужинать пора уже.

Соломенную шляпку скинув,
Прическу поправляешь ты,
Я расставляю по камину
Неприхотливые цветы.

И это всё. Ни клятв, ни бдений,
Ни патетических сонат.
Лишь — голова в твои колени,
Притихший дом и спящий сад.

И тонкий серп над ближней рощей
Нам говорит из полутьмы,
Что нет прекраснее и проще
Того, что пережили мы.

1947

Вспомним вместе, вспомним всё с начала!
... Утро пело, озеро цвело,
Лодка у короткого причала
Надломила легкое весло.

А оттуда, где, спустясь, опушка
Загляделась в радужную гладь,
Куковала щедрая кукушка, —
Было даже и не сосчитать!

Что тайком мы оба загадали —
В этом мы признались лишь потом,
А покуда, сидя на причале,
Толковали о совсем пустом.

Вот уже бывшее как в тумане...
Но еще с тобою мы не раз
Милую пророчицу помянем,
Что тогда не обманула нас.

1951

ЗВЕЗДЫ

В учебнике учат дети,
Что, мол, далеко звезда.
Но мне в рассужденья эти
Не верилось никогда!

Бывало, еще ребенком,
Я ночью любил не спать,
И звезды, легко и звонко,
Мне сыпались на кровать.

Я с черных ветвей каштанов
Их стряхивал на песок,
Я, ими набив карманы,
Скупить всё на свете мог.

С тех пор, мое сердце, — правда? —
И злым я и черствым был,
Но детской веселой правды,
Старая, не позабыл.

И пусть на земле всё низко,
А в небе всё высоко,
Я знаю, что звезды — близко
И встретиться нам — легко.

1950

ГОЛОС МИРА

Умолк навеки голос с высоты,
Угасли знаки вещей откровений. . .
Куда пойдешь, кому послужишь ты
И перед кем падешь ты на колени?

Всё стало тайной. В путях тишины
Апостолы в неведеньи томятся,
И ангелами вспененные сны
Первосвященникам уже не снятся.

И всё - таки ты не совсем забыт!
Взгляни вокруг! В лазоревом просторе
Как горный голубь облако парит,
Как Гавриил благовествуют зори;

Поют ветра — как с неба голоса,
А в темноте такой библейской ночи —
Как Моисей гремит и жжет гроза,
Как Иеремия океан пророчит;

И твердь гудит, и прядает звезда,
И воинство лесов подьемлет пики,
А в зареве закатов иногда
Еще сквозят архангельские лики.

Иди и слушай шелест и прибой —
Немолчный голос счастья и тревоги!
И пусть навеки замолчали боги —
Ты не один: мир говорит с тобой!

1949

Что весной тебе отмерено —
Принесешь ты к своей зиме.
Ничего не будет потеряно
Из того, что ты здесь имел.

Всё дурное и всё хорошее
Перебродит в крови твоей
И певучею станет ношею —
Собеседником поздних дней.

1950

Корзина с рыжиками на локте,
А за плечом — мешок еловых шишек.
Опушки леса ласковый излишек —
Не царский - ли подарок нищете!?

Затопим печку, ужин смастерим
И ляжем спать на стружковой перине.
...Есть в жизни грань, где ты неуязвим,
Неуязвим, как ветры и пустыни.

1951

Возле дома моего —
Поле, больше ничего.

Вдоль него, мертво и зло,
Напрямик шоссе легло.

Каждый вечер (как служу!)
По нему хожу, хожу. . .

Час, и час, и снова час,
В камни палкою стучась,

Сам с собою говоря,
До беспамятства куря, —

Лишь - бы только как - нибудь
Обессилеть и заснуть.

1949

Мы на земле — рабы своей сумы,
И что за поворотом — нам не видно.
И вот совсем напрасно просим мы
«О смерти мирной, смерти непостыдной».

Что пользы нам в прохладной простыне,
В глотке воды, в друзьях у изголовья!?
Есть смерти злые, трудные, вдвойне
Оплаченные ужасом и кровью.

В них вещей смысл! Такая смерть несет
В себе не просто смерть — преображенье.
Проси о ней! Проси о том паденьи,
Что душу окрыляет, как полет!

1950

Ж И З Н Ь

Не дорогой — тропой дремучею
Мчишься гоголевским Хомой.
Оседлала меня, замучила,
Наглумилася надо мной. . .

Осадить - бы! В крапиву свалится!
Только страшно. . . Ведь в тот - же миг
Обернется она красавицей
И предсмертный раздастся крик.

Будет стройною, черноокою
На земле лежать, не дыша.
И заплачу над ней, жестокою,
Той, что всё - таки хороша.

1951

СЕРДЦЕ И ПАЛЬЦЫ

Это в пальцах нехватает силы.
Сердце — всё такое - ж, как и было.
Сердце шепчет в страхе и в надежде:
— Я хочу служить тебе, как прежде!
Лишь - бы только пальцы попевали,
Всё, что напою я, записали!

Но у пальцев есть своя забота,
Пальцы горькой заняты работой:
Прижимаются к вискам свинцовым,
Зябнут под подушкой пуховой,
Шарят в темноте по одеялу...
Некогда служить им сердцу стало!

И взмолилось сердце в нетерпении:
— Что мне мир и миру я — без пенья!?
Отпусти меня туда отсюда,
Где само, без пальцев, петь я буду!

1951

СОН О КАЗНЕННОМ ПОЭТЕ

— Это он! С кем хочешь я поспорю!
Видишь, вот идет он впереди
С неизбывной мукою во взоре,
С неостывшей пулею в груди!

— Он - же умер! Он уже не может
Услыхать слова твоей любви!
Никакое чудо не поможет!
Не ищи его и не зови!

— Нет! Скорее! Мы его догоним!
Я клянусь тебе! Мы добежим!

. . . . .

Как года — мгновения погони.
Год еще — и поровнялись с ним.

Страшно заглянуть за эти плечи...
Может быть, всё это только сон!?
Оглянулся — и свершилась встреча
И сомнений нет, что это он.

Серый глаз струит холодный пламень,
Узкий шрам белеет вдоль щеки...
Наш учитель! Вот ты снова с нами!
Отзовись! Коснись моей руки!

Но запачканные кровью губы
Ничего не вымолвили мне.
Только вдруг серебряные трубы
В солнечной пропели вышине,

Рыжегривые заржали кони,
И рванули ввысь, и понесли,
И уже не слышен шум погони
С убегающей назад земли.

Только бездны, вихри и просторы,
Звездные озера и сады,
И внезапно — старой сикоморы
Ствол корявый у скупой воды.

След звериный вьется к водопою,
Заунывная звенит зурна. . .
Только - бы остаться здесь с тобою,
Эту радость всю испить до дна!

Но стираются черты и звуки,
Миг еще — и на сухой траве
Судорогой сведенные руки. . .
Окрик парохода на Неве. . .

Люди молча топчутся у ямы,
Раздается мерный ляг лопат,
А вдали угрюмыми домами
Щерится притихший Петроград. . .

Прошлое! Оно таким мне снится,
Как его увидеть довелось:
Белою, бессмертною страницей
Пулею простреленной насквозь!

1949

Пора привыкнуть к маленькому дому,
Неплотной двери, низкому окну,
И на тюфяк с примятою соломой
Пораньше лечь и отойти ко сну.

Всё, что могла душа, и что умела —
Всё свершено, и даже в пальцах нет
Охоты взяться за бывшее дело,
За ремесло перегоревших лет.

И пусть порою жизнь еще доносит
Свой блеклый шум, свой приглушенный свет —
Всё спрошено! К чему еще вопросы!?
Осталось только: услышать ответ.

1950

В КОМНАТЕ УМЕРШЕГО

Да, опустело здесь... На кресле, за столом, —
Повсюду нет уже родного силуэта...
И эта тишина! И вот: не быть вдвоем...
Как это оправдать и как осмыслить это!?

И всё - таки — не плачь! И комнату — покинь!
Сойди по лестнице и, стоя на пороге,
Вглядись в рассветную бледнеющую синь.
Ты видишь, это он шагает по дороге!

Не нужно! Не зови! Его уж не вернуть!
Но знай: он жив еще и жить ему без счета!
Он только погостил и снова вышел в путь.
И, слышишь, он поет! Вдали. За поворотом.

1950

Всё узнав, от самой жгучей муки
До утраты самой роковой,
Научились мы лихой науке:
Не бояться в мире никого!

Ничего не просим мы у неба,
А когда и даст — не бережем,
И краюху поданного хлеба
Разрезаем найденным ножом.

И в глаза никто нам не заглянет,
И руки не тронет нам рукой. . .
Разве только на глухой поляне
Улыбнется рыжик золотой;

Разве только дикая малина
На сухом растает языке. . .
Нет у нас ни слуг, ни господина,
Жизнью мы проходим налегке.

Но за то, что всё мы потеряли,
Одного мы друга обрели.
Он из ясной, запретельной дали
В золотой спускается пыли.

И на плечи положив нам руки,
Нас целует в обожженный лоб,
Чтобы все земные наши муки
Звездным утешеньем замело.

1951

РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ

Подойди. Здесь тихо и темно.
Мы с тобой совсем наедине.
Где ты был, любимый? Как давно
Ты не исповедывался мне!

Что сегодня странный ты такой?
Расскажи мне всё, не утай!
Почему твои, мой дорогой,
Руки холоднее, чем мои?

Верно никому не протянул,
Ими никого не обогрел,
А по локти в прорубь окунул
И над этой прорубью сидел.

И теперь стоишь передо мной,
Без вины, а всё - же виноват,
С потаенной мыслию одной:
Отмолчаться — и опять назад.

Надо - бы тебя мне пожалеть,
Научить науке золотой,
Той, как можно целый мир согреть
Маленькой своею теплотой.

Только наша доля такова,
Это здесь издревле повелось:
И один как - будто мы — а два,
Ближе братьев, а должны быть — врозь.

Знаю я, что трудно одному,
Чую, что тебе не сдобровать. . .
Дай, тебя покрепче обниму!
Может, и не свидимся опять. . .

1950

ХРИСТИАНСКАЯ МУЗА

Когда апостол Иоанн
В ночи повествовал о Боге,
Нежданной гостью дальних стран
Явилась муза на пороге.

Блистательно - обнажена,
Она едва внимала Слову.
Казалось, вот сейчас она
Покинет этот кров суровый.

Но Слово зрело и цвело,
Переливалось теплой кровью,
То мудростью спокойной жгло,
То кроткой мучило любовью.

И муза ближе подошла
И, кутаясь в овечьи шкуры,
На край убогого стола
Присела девочкою хмурой.

И длилась ночь. И пел рассказ.
И, незаметная дотоле,
Морщинка меж лучистых глаз
Легла, чтоб не исчезнуть боле.

И жалость скорбью обожгла
Уста, и навсегда богиня
Голгофы оцет пролила
В прозрачный мед своей латыни.

На шее девственной она
С тех пор прохладный крестик носит
И, терпелива и нежна,
Для нас у Бога песен просит.

1947

Т Е Р Н О В Н И К

Снежной пеной, кружевом нездешним,
Весь — несбыточная чистота,
Вот он вьется по оврагам вешним...
Деревце, терзавшее Христа!

Мне таким тебя увидеть внове!
Для меня ты в памяти цвело
Только каплями тяжелой крови,
Умывавшей бледное чело.

И забыл я, что в начале мая
Ты цветешь, как в мире всё цветет,
Солнечным лучом благоухаешь,
Вяжешь плод и расточаешь мёд.

Что тебя в дешевую больницу
Некрасивым девушкам несут,
И когда последний сон им снится, —
Снова с Ним встречаешься ты тут.

Но пред Ним невинным ты предстанешь,
На тебя Он ясный взор прольет,
Потому - что ты не только ранишь,
Но цветешь, как в мире всё цветет.

1946

В ЛЕСУ

Июльский полдень зноен, что костер,
Но здесь, в лесу, для путника — отрада:
Он свежестью пронизан до сих пор,
Предутренняя медлит в нем прохлада.

Остановись. Присядь на мшистый пенёк,
В орешнике едва заметный глазу,
И допивая утреннюю лень —
Прислушайся к чудесному рассказу.

Слетает лист на розоватый мох,
Струит грибок свое благоуханье,
И слышен шорох, шелест, шопот, вздох —
Неутолимый говор мирозданья.

1947

Дороги вьются по холмам,
Белеют дали снежные,
И ветерки навстречу нам
Летят, такие нежные.

Сухая горечь прошлых лет
Как снегом припорошена.
И здесь услышим мы ответ
На всё, что было спрошено.

1950

ИЗ ПРОШЛОГО

Иль должен был я отогнать тебя
От маленьких овец моих, чтоб ты
В дремучий лес свой их не заманила,
Иль должен был назвать тебя богиней
Соседнего ручья и роц окрестных
И приносить тебе их в жертву сам,
В час утренней зари, на плоском камне,
Что был - бы с каждым днем темней от крови.
Как хорошо, что ты сама решила
И пастухов ушла ласкать других,
Что маленьких овец своих не любят!
О, как спокойно стало мне! Смотри!
Вот догорает солнце за холмами
И по тускнеющей уже траве
Рассыпалось пасущееся стадо.
А милая свирель к устам прильнула
Нежней, чем ты, и мой окрепший голос
Так явственно о Мире говорит.

Тончайшей кистью — песнею моей
Я золочу скорлупки жестких дней
И вешаю лучистые орехи
На ёлочку земного бытия.
Я знаю: кисть истреплется моя,
Окончатся высокие утехи,
И ёлочку из комнат унесут.
Но может быть заботливые руки
Нехитрые игрушки соберут
И сохранят от тленья и разлуки,
Чтоб будущим, прекрасным Рождеством
Повесить их на деревце своём,
И нетускнеющая позолота
Еще на миг порадует кого-то.

1950

ОГЛАВЛЕНИЕ

Их ровно пятьдесят от сердцевины...	5
Мой путь лежит через поля...	6
Последних мук не утаить...	7
Здесь всё совсем не так, как надо...	8
Я знаю: мир обезображен...	9
Это только кажется отсюда...	10
Опять, опять! Всё это прежде было...	11
Повседневность.	12
Нехорошо о слишком многом знать...	13
Каждый голубь на моем дворе...	14
Непрочен матерьял моей земли...	15
Те сны, что мне в детстве снились...	16
Вот и всё. До конца измерена...	17
Темен путь среди земного мрака...	18
Я вышел навстречу небу...	19
Высох ключ, струившийся в овраге...	20
В тот край дорога неисхожена...	21
Пирог с грибами стынет на столе...	22
Уже сентябрь позолотил листья...	23
Мы с тобою ее запомнили...	24
Молитва на ветру.	25
Мы жизнь прошли, как поле, рядом...	26
Вспомним вместе, вспомним всё с начала...	27
Звезды	28
Голос Мира	29
Что весною тебе отмерено...	30
Корзина с рыжиками на локте...	31
Возле дома моего...	32
Мы на земле — рабы своей сумы...	33
Жизнь	34
Сердце и пальцы	35
Сон о казненном поэте	36
Пора привыкнуть к маленькому дому...	38
В комнате умершего	39
Всё узнав, от самой жгучей муки...	40
Разговор с самим собой	41
Христианская Муза	42
Терновник	43
В лесу	44
Дороги вьются по холмам...	45
Из прошлого	46
Тончайшей кистью — песнею моей...	47